

Читаю прозу Виктора Некрасова, ту, о которой раньше не знал.

Моё знакомство с творчеством писателя, каюсь, завершилось на книге «В окопах Сталинграда». Теперь вот узнал рассказ «Вторая ночь», повесть «Кира Георгиевна». Это всё достойная проза. Но вот дошёл до воспоминаний «Маленькие портреты».

Первый отрывок – «Чужой».

Киевский студент, окончивший три курса архитектурного факультета Строительного института, пишущий рассказы и занимающийся в литературной студии при Союзе писателей случайно и неожиданно для себя поступает ещё и в студию при Киевском городском театре русской драмы, где происходит его знакомство с Иваном Платоновичем Чужим (настоящая фамилия Кожич), о котором и вспоминает писатель, как о человеке, о котором он сохранил в своём сердце самые добрые чувства.

Виктор Платонович заканчивает воспоминания такими словами:

«И я ушёл из театра. Вернее после фронта не вернулся назад. Думаю, что театр не много потерял, а я всё же остался в выигрыше – моё юношеское увлечение театром свело меня с Иваном Платоновичем. А это счастье...»

Согласимся, не о всяком человеке, встретившемся нам на жизненном пути мы напишем нечто подобное.

Так вот: из письма Чужого я хочу взять несколько отрывков, содержание которых невольно проецируется на события, сейчас происходящие на Украине.

Пережившему немецкую оккупацию Советской Украины было что вспомнить, А нам теперь, слыша этот «голос издалека», из военного прошлого, есть с чем сравнить.

Вот как 1 июня 1944 года И.П. Чужой рассказывал своему бывшему ученику по театральной студии о первой встрече с немецкими оккупантами.

«Поехал я в другое место и по другому пути, а добрался до Остра в первых числах июня 41 года. Когда в сентябре через Остер прошёл фронт, я

оказался в дачном доме с вылетевшими окнами, продырявленной крышей, с садом, изрытым окопами и щелями, без денег, без вещей, без дров и даже без картошки (...) Первые же вломившиеся на постой немцы забрали всё оставшееся из года в год в доме. Потянулись тяжёлые дни, и я не пропал только благодаря Анне Всеволодовне, знающей немецкий и французский языки и приехавшей сюда в последнюю минуту. Что делали немцы — Вы знаете, я мог бы рассказать кое-какие детали и случаи со мной, но об этом можно говорить только в более спокойной обстановке. (...) Зимой почти всё время лежал, спасаясь от холода, экономил энергию, а значит, и харчи. Летом, когда это позволяли обстоятельства, ловил рыбу, подкармливавшую нас. День проходил настороже — не придут ли, не схватят ли, — по ночам же у нас немцы людей не брали, и кто прожил благополучно день, мог спокойно провести и ночь. Читал киевскую газету с муками и стенаниями, надеясь найти что-нибудь об СССР. Очень редко удавалось, отравив себя лошадиными порциями зловонного пойла, найти строчку-две какой-нибудь брани или клеветы, из которой можно было бы сделать некоторые догадки и предположения о том, что делалось у Вас. Тут опять надо говорить, не уложишь всего в письмо. Но вот пришло 21 сентября 43 года! (...)

Судя по первому периоду войны, я не верил, что освобождение придёт так скоро. Немцы ведь оставили ура-блицкриг и говорили о семилетней войне.

По письмам, пришедшим от людей, не воевавших и не живших под немцами, я видел, что они не поняли многого, не почувствовали и не подумали. От ленинградцев же, остававшихся там до конца 42 г., письма уже были совсем иные» (1.VI.44).

Вот и теперешним жителям Украины, читателям сайтов и слушателям телевизионных передач, «отравленным лошадиными дозами зловонного пойла», придётся со временем приходить в себя, выздоравливать. Хотя, безусловно, далеко не все придут в разум, а, напротив, затаят в душе ненависть и злобу на поколения вперёд. Но русские, потерявшие и одурманенные — выздоровеют. В этом у нас, я полагаю, не должно быть сомнений.

Почему в этом уверен? Вновь фраза уже из другого письма гвардии капитану Виктору Некрасову.

«Ведь всё пережитое Вами так огромно, что довоенными очами Вы уже не можете смотреть на жизнь и особенно на тыловую жизнь сегодняшнего дня». (27.II.45).

Вот и наше общество под влиянием происходящих событий непременно должно будет измениться. Потому что вернувшиеся с фронта, пережившие современный киевский национализм и нацизм не смогут смотреть «на тыловую жизнь» прежним взглядом.

Как, порой, о многом могут сказать всего несколько фраз свидетеля событий прошлого века — прочитанные теперь, в иную эпоху. Как поучительны они и предупредительны. И доказательны — всегда правде приходится отстаивать высшую справедливость жертвенно. Но без жертвы её, правды, и не существует.